

Н.М. Мамедова

Информационное общество: трансгрессия социальности

В статье анализируется процесс трансгрессии социальности под влиянием электронных коммуникаций. Выявляются изменения как объективной, так и субъективной сторон социальных явлений. Виртуализация социальных практик и отношений ведет к трансформации атрибутов социального бытия — пространства и времени. Происходит социальная рестратификация и маргинализация. Информационное пространство превращается в важную среду человеческого существования, где реализуются различные социальные практики, отношения, возникают новые социальные институты и преобразуются традиционные.

Ключевые слова: трансгрессия; информационные практики; визуализация; маргинализация; идентификация.

Информационные технологии коренным образом преобразуют коммуникативные практики, которые являются основой для формирования новых социальных отношений, становления новой социальности [5]. Сетевые коммуникативные практики создают новые нормативно-смысловые образцы, которые определяют социальное взаимодействие и тем самым конструируют другую социальность. Сетевая реальность изменяет сущность социальных процессов. Происходит трансгрессия социального бытия как переход за границы своего традиционного существования. Трансгрессия предстает не только как деструктивный акт нарушения границ, но и как конструктивный феномен созидания новой социальности. В современной цивилизации медиакommunikации приобретают онтологический статус, выступают как устоявшиеся модели социокультурного взаимодействия. Виртуальная реальность превращается в важную среду существования современного человека, место конструирования разнообразных социальных отношений и соответствующих практик. Сетевые коммуникативные практики создают новую форму бытия, в которой модифицируются его атрибуты. Преобразуется само понятие «практика», составляющее онтологический фундамент

социальности, форму бытия социальной материи. В контексте классической философии под практикой понималась деятельность социальных субъектов по преобразованию реальности. Практика является способом существования объективного исторического процесса. Поэтому трансформация социальных практик под воздействием телекоммуникационных технологий означает радикальное изменение самой субстанции социального.

Виртуальные коммуникативные практики изменяют саму цивилизацию, вызвавшую их к жизни, конструируют новую социальность. Под влиянием виртуализации социальных практик и отношений трансформируются атрибуты социального бытия — пространство и время. «Происходит разрыв пространства и времени, связь между которыми больше не опосредуется конкретным местом осуществления социального действия и коммуникации. Такое устранение пространства и времени как важнейших модусов социальности делает возможным управлять социальным поведением физически несвязанных субъектов. Это порождает делокализацию социальных отношений, коммуникаций и возможность их комбинации в неограниченных пространственно-временных интервалах. Этот процесс осуществляется с помощью абстрактных систем, символов, обладающих стандартной ценностью и взаимозаменяемостью в любом социальном контексте» [2: с. 94].

Информационное пространство превращается в равнозначную с реальной, а порой и в доминантную среду существования человека, где разворачиваются своеобразные отношения. В реальном социальном пространстве происходят процессы социальной атомизации, отчуждения, а в информационном — образуются виртуальные сообщества, независимые от реальной социальной сегментации. Возникают новые формы социальной консолидации. Группы людей, связанные общей деятельностью, интересами, увлечениями, образуют социальные общности. В Сети создаются условия для консолидации физически не связанных субъектов. Символические образы опосредуют социальное взаимодействие различных субъектов коммуникации. Следствием таких социальных тенденций является социокультурная маргинализация, происходящая автономно от реальной социальной стратификации [2]. Разрушаются традиционные культурные паттерны, коды, которые складывались в течение столетий, образуя культурную матрицу деятельности, отношений, взаимодействий. Неслучайно в постклассической философии основным принципом исследования экзистенции и ее феноменов становится маргинальный подход. Принцип тяготения к маргинальности анализа объясняется внутренним изменением социальности, поиском смыслов на периферии, обочине культурного сознания, науки, социума. Любимые гносеологические метафоры — пирамиды, деревья, категориальные сети — оказываются анахронизмом. Философия маргинальности всегда возникает в условиях разбалансированности субъекта. Во второй половине XX в. явление, поверхность, грань все чаще возводятся философами ряда направлений в ранг бытия. Отметим, что несомненная заслуга серьезного

обращения к проблеме предела, грани, а также пограничности, трансгрессии, маргинальности, феноменам «на полях» принадлежит философской традиции постструктурализма. Трансформация социального бытия под влиянием сетевой реальности актуализирует проблему социокультурной маргинализации. Существование на грани, маргинальность, по сути, проявление социальной трансгрессии, понимаемой как выход за пределы.

Спонтанный структурогенез интернет-пространства приводит к образованию новых сообществ с новой системой отношений, которые опосредованы информационными технологиями. В центре социальных взаимодействий оказывается технический объект. Информационные технологии не только преобразуют природу социальных отношений, но и сами выступают в качестве онтологического объекта. Сеть становится местом социальной сегментации, социальной консолидации и идентификационных процессов. Таким образом, традиционные общественные институты и отношения замещаются виртуальными коммуникативными практиками.

Субъективная сторона социального бытия кардинально преобразуется. Подобно социальному бытию, существование человека в новой реальности крайне противоречиво, балансирует на грани виртуального и реального. Самоопределение, свободный выбор идентичности более не определяются внешними социальными институтами. Но, превращаясь в оцифрованную информационную единицу, человек попадает в полную зависимость от Сети, диктующей свои правила и нормы. Свобода оказывается иллюзорной, проявлением несвободы и новых видов зависимости и подчинения. Зависимость от информационных технологий в профессиональной деятельности и сфере частных межличностных отношений приводит к замещению реальных социальных отношений симулятивными практиками, превращая виртуальную среду в первичную экзистенциальную реальность. Способ жизнедеятельности человека становится радикально другим под влиянием киберсреды. Информационный способ существования модифицирует его бытие и в реальном социальном пространстве. «Человек общественный» превращается в «человека информационного». Нелинейный характер воздействия информационно-коммуникативных систем на человека может быть представлен многофакторной моделью, включающей в себя природно-биологические, социокультурные измерения. Возвращаясь из виртуального пространства, человек преобразуется. Изменяются формы, методы и динамика деятельности, сенсорные процессы, ценностные предпочтения — изменяется сознание в целом. Во-первых, под влиянием новых технологий видоизменяется характер деятельности. Опосредуемая символическими образами, диалоговая природа виртуальных практик обостряет проблему интерпретации, понимания. Информационные потоки, наполняющие социальную реальность, превращают интерпретацию и трансляцию смыслов в главную форму социальной деятельности. Информационные коммуникации порождают специфические герменевтические

практики, а также создают новую семиосферу. Поиск и обработка информации становится основой новых видов деятельности. Социальная успешность определяется способностью к инновациям, переобучению, овладением новыми профессиями. Формируются другие производственные отношения, отражающие невиданные прежде формы производства товаров и услуг. Складывается иная структура производственной деятельности, возникают новые конфигурации производственных отношений. Эти перемены стремительно интегрируются в ткань общества, преобразуя саму природу социальности. К непостоянным условиям деятельности адаптируются сенсорные процессы, сознание в целом. Адаптация к бесконечному информационному потоку ведет к фрагментации сознания. Осмысление информации подменяется скоростью восприятия. Инверсия сенсорной системы приводит к абсолютизации зрительного восприятия. Визуализация означает замещение понятия образом, доказательности — наглядностью.

«Содержание такой коммуникации более не отражает личностные смыслы. Оно скользит по поверхности, апеллирует к телу, чувственности, к частичному человеку, тиражируемому рекламой, модой. Происходит тотальная унификация смыслов, достигающая апофеоза в потребительстве» [4: с. 12]. Эпоха всеобщей информатизации, радикально изменяющая социальное бытие, мироощущение и мировоззрение человека, неизбежно повлияет на ценностно-смысловую основу культуры. Выработка норм и ценностей информационной цивилизации, которые отражали бы потребности гармонизации отношений личности и социума, — это главная проблема человека техногенного общества. Ее решение предполагает включение антропологического измерения наряду с технологическим и социальным в число фундаментальных характеристик информационного общества.

Перенос социальных практик в виртуальную реальность приучает человека решать нестандартные задачи в необычных условиях, он овладевает в процессе их решения и общения в новой коммуникативной среде множеством новых функций и социальных ролей. Поэтому особую актуальность приобретает проблема личной идентификации. Традиционные механизмы процесса идентификации утрачивают свою значимость. Идентичность определяется различными символическими системами, которые заменяют однозначную определенность традиции. «Современный человек лишен вертикальных корней, уходящих в родную почву; у нас нет привязки к какой-либо территории, наши корни расходятся в горизонтальном направлении, они повторяют маршруты распространения символов и знаний, которые мы способны воспринять. Производство символов повсюду опережает производство товаров и услуг, и из этой пестрой мозаики создается прообраз новых культурных горизонтов и общностей» [3: с. 20]. Идентичность зависит от количества информации, которую человек способен воспринять, а также от принадлежности к виртуальным сообществам часто в большей степени, чем к реальным, поскольку

информационно-коммуникативное пространство превращается в значимую среду обитания. Трудно прогнозировать в деталях, какая иерархия ценностей будет в информационном обществе. Можно предположить, что человек будущего будет обладать свободой выбора, как в способах выражения собственной индивидуальности, так и в обретении разнообразных идентичностей. «Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно повторяться в жизни каждого человека, в то время как лишь немногие, а то и никакие из возможных статусов, оказываются достаточно надежными, чтобы можно было говорить о длительном пребывании в них» [1: с. 228]. Умножаются контексты взаимодействия, коммуникативные сообщества, возрастает вероятность формирования многомерной личности с плавающей, неопределенной идентичностью, что порождает новые социальные и психологические риски. Идентичность можно рассматривать как ресурс личности, который создает чувство экзистенциальной безопасности, стабильности. Неопределенность, изменчивость идентичности обрекает человека на одиночество и перманентный поиск социальной опоры в виде разнообразных сетевых сообществ, которые симулируют реальные социальные взаимосвязи. Таким образом, процессы тотальной информатизации создают новую субстанцию социального, преобразуя его объективную и субъективную составляющие. Трансгрессия социальности конструирует новое социальное бытие.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Прогресс, 2002. 390 с.
2. Мамедова Н.М. Коммуникативный дискурс современности // Теоретические и практические аспекты развития научной мысли в современном мире: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. [Б. м. и.], 2017. С. 94–95.
3. Мамедова Н.М. Пространство как контекст идентификации // Вестник МГСУ. 2012. № 5. С. 17–22.
4. Мамедова Н.М. Традиции и культурная идентичность // Научный вестник МГТУ ГА. 2016. № 1 (17). С. 10–15.
5. Спорт в пространстве социальных практик современной цивилизации / Н.М. Мамедова [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2018. № 1. С. 16–18.

Literatura

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo. M.: Progress, 2002. 390 s.
2. Mamedova N.M. Kommunikativny'j diskurs sovremennosti // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty' razvitiya nauchnoj my'sli v sovremennom mire: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 4 ch. [B. m. i.], 2017. S. 94–95.
3. Mamedova N.M. Prostranstvo kak kontekst identifikacii // Vestnik MGSU. 2012. № 5. S. 17–22.
4. Mamedova N.M. Tradicii i kul'turnaya identichnost' // Nauchny'j vestnik MGTU GA. 2016. № 1 (17). S. 10–15.
5. Sport v prostranstve social'ny'x praktik sovremennoj civilizacii / N.M. Mamedova // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury'. 2018. № 1. S. 16–18.

N.M. Mamedova

Information Society: the Transgression of Sociality

The article analyzes the process of transgression of sociality under the influence of electronic communications. The changes of both objective and subjective sides of social processes are revealed. The virtualization of social practices and relations leads to the transformation of the attributes of social existence — space and time. Social re-stratification and marginalization are taking place. The information space is turning into a significant environment of human existence, where various social practices and relations are realized, new social institutions arise and traditional ones are transformed.

Keywords: transgression; information practices; virtualization; marginalization; identification.